

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБИТЕЛИ В РУМЫНИИ. XIX–XXI вв.

Статья посвящена жизни старообрядческих монастырей в Румынии в XIX – начале XXI века. Рассмотрены типы обителей, цели и поводы ухода в них, показаны материальная и духовная стороны повседневной монастырской жизни, а также значение и роль монастырей в старообрядческом сообществе, отмечены изменения, произошедшие в их жизни в современную эпоху в условиях продолжающейся секуляризации религиозного сознания старообрядцев Румынии.

Ключевые слова: старообрядцы-липоване, Румыния, монастыри, братия, материальный быт, духовная жизнь, религиозность.

В старообрядческой религиозной доктрине учение об антихристе – грядущем, как у поповцев, или уже пришедшем в мир, как у беспоповцев, – занимает главенствующее место. И в связи с этим вся земная жизнь рассматривается ими как арена постоянной борьбы Добра и Зла, как преодоление соблазнов и дьявольских сетей, умело расставленных повсюду. Для людей с религиозным типом мышления не было более важной задачи, чем спасение своей бессмертной души. Это дуальное восприятие земного бытия и желание найти спасение в преддверии ожидаемого конца света заставляли часть верующих уходить в глухие леса и основывать там монастыри.

В России желание старообрядцев уйти как можно дальше было связано не только с бегством от грешного мира, но и от глаз светских властей и православного духовенства. Со времени раскола многие из них устремились на окраины государства и за его пределы. На территории Молдавского и Валашского княжеств, Австрийской империи (Буковина) и Европейской Турции (Добруджа), ныне входящих в государство Румыния, в XVIII – первой половине XIX века селились бежавшие из России старообрядцы, получившие название *липоване*, и там же возникали их монастыри.

Монастырь – это прообраз ангельского мира, насельники которого посвящают свою жизнь служению Богу. Их молитвы, по убеждению старообрядцев, скорее будут услышаны на небесах, поэтому монастыри выступали в роли посредников между мирянами и Богом и всегда были необходимой частью полноценной религиозной жизни верующих. В то же время состояние монастырской жизни отражало и отражает уровень религиозности общества и его способность воплотить в жизнь свой религиозный идеал.

Иникова Светлана Александровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ovis2@yandex.ru.

* Работа выполнена по теме НИР № 0177-2018-001 «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие».

Старообрядческие обители в XIX в.

В народной памяти сохранились рассказы стариков о многочисленных скитах, располагавшихся в ближайших к селениям лесах. Они возникали и бесследно исчезали, но история некоторых насчитывает уже более двух веков. В Добрудже около с. Слава или Русская Слава еще в XVIII в. возник мужской скит, а затем появился и женский; в Молдавии приблизительно с того же времени около с. Мануиловка существовали разделенные плетнем мужской и женский скиты, а в лесу был еще один – «Дальний»; в середине 1840-х годов тоже в Молдавии в пяти верстах от селения Плопана в местечке Тиса был основан мужской монастырь; с конца XVIII века мужской, а затем и женский монастыри существовали в Белой Кринице в Буковине¹.

Типы обителей и внутренняя организация

Четкого разделения понятий «скит» и «монастырь» у старообрядцев не было. В XIX в. обители около Славы и Мануиловки чаще называли скитами, а в Белой Кринице или Тисе – монастырями, возможно, потому что у последних был общежительный устав. В *общежительном* монастыре насельники не имели собственности и трудились сообща, питались в общей трапезной, хотя могли получать продуктивное содержание от келаря и питаться по кельям; также монастырь обеспечивал их одеждой и всем самым необходимым. В общежительной обители от насельников требовалось больше терпения и смирения, подавления своего эго, дисциплины, поэтому общежитие считалось более соответствующим монашескому пути спасения, чем жизнь в *своекоштом* монастыре, где насельники жили самостоятельно. Своекостными были мужские и женские скиты около Мануиловки и Русской Славы.

Рис. 1. Братия Покровского монастыря. Белая Криница. Открытка начала XX века.

До начала 1840-х годов письменных уставов обители, очевидно, не имели, а руководствовались правилами святых отцов и традицией. Подготавливая почву для создания в Белой Кринице старообрядческой митрополии, инок Белокриницкого монастыря Павел Великодворский в 1843 г. составил пространный общежительный устав, подробно расписав все стороны жизни его насельников (Субботин 1874: при-

лож.). Этот устав в качестве образца использовался в дальнейшем, когда несколько раз делались попытки преобразовать славские и мануиловские своекоштные обители (мужские и женские) в общежительные. Судя по документам, в Мануиловском мужском скиту это все-таки произошло в конце 1860 – начале 1870-х годов, а Славский, несмотря на постройку общей трапезной и старания игуменов и архиереев, в середине 1870-х годов все еще оставался своекоштным. На протяжении всего своего существования общежительными были Тисский и Белокриницкий монастыри.

Иноки и инокини не высказывались открыто против общежителства, но все же оговаривали его принятие какими-то условиями и старались отодвинуть это событие на будущее. Хотя христианское смирение было главной добродетелью монашествующих, совместное проживание очень часто становилось для них нелегким испытанием. Инокиня Елевферия, проживая в 1870-е годы в общежительном Белокриницком Успенском монастыре, признавала, что «ежели кто во монастыре живет единомушно (т.е. общежительно – С.И.), воистину сравнен будит со святыми отцы прежняго рода» (РО РГБ 1: 103).

Самой высокой степенью монашеской жизни было *отшельничество*. Липоване Мануиловки до сих пор показывают приезжему человеку остатки пещер в лесу, в которых по преданию жили отшельники. Жители села носили им еду, поскольку все время отшельники проводили в молитвах и уже не обременяли себя заботами о телесном пропитании.

Монастырская братия

Долгое время – приблизительно до конца 1860-х – начала 1870-х годов – старообрядческие обители за границей наполнялись выходцами из России, а коренные липоване составляли в них меньшинство. Особенно много пришлых стало в годы правления в России Николая I, объявившего старообрядчеству настоящую войну. Монахи закрытых властями российских монастырей или желавшие ими стать уходили в заграничные обители. Из их числа вышли многие известные деятели старообрядчества времен установления и укрепления белокриницкой иерархии².

Побывав в Славском скиту в начале 1860-х годов, писатель-этнограф и революционер В.И. Кельсиев отметил российское происхождение многих его обитателей, а после бесед с иноками сделал вывод, что эти люди «приняли иночество по убеждению» (Кельсиев 1870: 261). Отмена крепостного права и реформы 1860-х годов, дарование старообрядцам некоторых прав в последующие годы практически прекратили их бегство за рубеж, и монастыри на территории Румынии стали пополняться почти исключительно липованами.

«Очинь хочица спастися, да не вем откуда», – писала в 1878 г. в Москву архиепископу Московскому Антонию (Шутову) о своем желании найти спасение упомянутая выше инокиня Елевферия (РО РГБ 1: 104 об.). Если цель у монашествовавших была одна – спасение души, то история ухода в монастырь у каждого была своя. Обычно людям, решившим посвятить свою жизнь Богу, не надо было делать над собой усилие и искать особый повод, чтобы оставить суетный мир. Престиж монашества в старообрядческом обществе был очень высок и считалось похвальным, если в семье один из ее членов уходил в монастырь: им гордились, как своим делегированным от семьи богомольцем. Случалось, что уходили всей семьей и даже с маленькими детьми: часть семьи – в мужскую, а другая часть – в женскую обитель (РО РГБ 2: 42).

До недавнего времени в известном своими твердыми религиозными устоями селе Мануиловка сохранялась традиция, согласно которой после женитьбы последнего сына родители уходили в скиты: «Я вам скажу, за что раньше было много в монастырях. Например, я, или када я женился, у меня были отец и мать, обычай был у нас: ажанил хлопца, он идет в монастырь, бабка – в Пустыньку (Тихвинский женский скит около Мануиловки. – С.И.). Хоть постригается, хоть так. А таперь не идет в монастырь. (Но не все же шли в монастырь) Все. Такой обычай был» (ПМА 1). Для овдовевших священников, дети которых выросли, уход в обитель был обязательным.

Случалось, что кому-то не хватало решимости совершить этот шаг и нужен был какой-то внешний толчок. Побудительным мотивом могло стать обещание, данное в тяжелую минуту жизни, или потеря близкого человека, чаще супруга или супруги, а то и всей семьи, когда ничто уже не удерживало в миру. Был еще один повод решиться уйти в монастырь – это наступившая старость, когда мысли о скором конце и воспоминания о прежних грехах удесятерили потребность в монастырском уединении и молитве, причем старость, часто отягощенная бедностью и одиночеством.

Некоторые наши собеседники-липоване склонны считать именно бедную старость главной причиной наполнения монастырей в прежние времена: «Не было пенсии, и шли люди ради бедноты. Ну, куда? В скит. Там мир кормил. А сейчас никто не хочет: ни старые, ни молодые. Раз пенсия своя есть, они даже не хотят слушать за монастырь» (ПМА 2). Это высказывание справедливо только отчасти: шли все-таки ради спасения, а бедность окончательно склоняла чашу весов в пользу этого выбора. Монастыри до известной степени выполняли социальную функцию призрения немощных и одиноких. Насельников молодого возраста в старообрядческих скитах и монастырях Румынии было, как и в России, мало.

Постригали обычно с 17 лет. Ищущий монашеской жизни должен был пройти трехлетний *искус* (испытание), но на практике такой искус предназначался для человека со стороны, а если кандидат был известен братии или настоятелю, то ограничивались шестью месяцами, тяжело больных постригали безотлагательно (РО РГБ 17: 13 об., 14). Среди обитателей монастырей были принявшие постриг *иноки/инокини* и еще не принявшие – *послушники/бельцы* и *белицы*. Среди иноков можно выделить несколько категорий: 1) не давшие монашеские обеты, но имевшие право носить монашеское облачение, или как их еще называли – *рясофорные*, 2) давшие все обеты (целомудрия, нестяжания, смирения), т.е. постриженные в *малую схиму*, 3) третьи – принявшие постриг в *великую схиму*, которая ко многому обязывала, и принять ее решались очень немногие в конце жизни.

Все должности, в том числе *игумена* и *игуменьи*, в обителях, независимо от их типа, были выборные, и это правило строго соблюдалось. Численность насельников в мужских обителях в разные периоды существенно колебалась. В 1851 г. в мужском Белокриницком Покровском монастыре в числе насельников, кроме игумена, были 31 монах и 13 бельцов (РО РГБ 17: 2). В Славском Успенском мужском скиту в 1854 г. проживало 70 монахов и 10 бельцов (РГИА: 44). В нашем распоряжении имеются данные о численности насельников за 1873 г. по всем монастырям (РО РГБ 5: 3).

Белокриницкий Покровский мужской монастырь	–	30 чел.
Белокриницкий Успенский женский монастырь	–	60 чел.

Мануиловский Никольский мужской монастырь	–	40 чел.
Мануиловский Тихвинский женский скит (Пустынька)	–	50 чел.
Тисский Предтеченский мужской монастырь	–	20 чел.
Славский Успенский мужской скит	–	100 чел.
Славский Введенский женский скит	–	90 чел.

Женские обители отличались многолюдством. За оградой Славского Введенского и Белокриницкого Успенского женских монастырей существовали поселения, называемые скитами, состоявшие из маленьких домиков – келий, в которых жили *скитянки*. Видимо, женские монастыри не имели возможности принять всех желавших, хотя нельзя исключать и того, что среди таких «задворных» скитянок были и те, кто не хотел жить по общежительному уставу.

Австрийский исследователь И. Полек сообщал о белокриницких скитянках: «Вокруг женского монастыря – он расположен посреди большого фруктового сада – впоследствии поселились в собственноручно построенных хижинах с кельями до 20 липованок, как местных, так и приезжих. Эти набожные женщины собственно не принадлежали к монастырю и были связаны с ним лишь тем, что принимали участие в ежедневных молитвах монахинь, однако, как только освобождалась монастырская келья, кто-нибудь из них сразу же переселялся в нее» (Polek 1899: 45).

Дисциплина в обители и соблюдение устава или правил зависели как от самих насельников, так и от настоятелей. О характере нарушений дисциплины со стороны братии можно судить по содержанию внушения, которое в письменной форме в декабре 1851 г. сделал им, «от священников даже до последних бельцов, исключая только архиереев», настоятель Белокриницкого Покровского монастыря. Он напомнил, что они не имеют права без благословения выходить из монастыря, что все, кроме больных, непременно ежедневно должны приходиться в церковь на полунощницу (видимо, приходили не все и не каждый день). Настоятель ввел новые правила: «будильник», пробуждающий братию звоном колокольчика, теперь не просто должен был звонить и, услышав «аминь», идти к следующей келье, а сказать «восстань брат» и уйти только после ответа «спаси Христос», если насельник готов идти на службу, или «прости, брат, нездоров», если болен и не придет. После ужина все должны были быть на павечернице, а после службы сразу расходиться по кельям. Посторонние могли приходиться в келью всего на час, а на больший срок надо было получить благословение настоятеля (РО РГБ 16: 26 об.–28). За все отступления полагалось монастырское наказание в виде молитв по *лестовке* с поклонами.

Среди населения обителей, главным образом, мужских, была категория иноков, постоянно ищущих особой духовности, мудрых наставников или просто лучших условий жизни и в этих поисках перемещавшихся из одной обители в другую. Чтобы остановить эти перемещения, игумен Тисского Предтеченского монастыря Евфросин даже включил в свое завещание братии пункт, чтобы впредь принимали только тех иноков, которые имеют отпускную из прежнего монастыря (РО РГБ 9: 81). Нередко случалось, что отправившись в другой монастырь по конкретному делу, иннок задерживался там на несколько лет.

Но надо сказать, что и не все настоятели обителей тоже сидели на местах, хотя им отлучаться «аки кокошу с гнезда своего отнюдь не полезно», как писано в уставе Павла Великодворского (*Субботин* 1870: примеч. 64). Игумен Ефросин постоянно уезжал из «гнезда» и жил в монастырях то в Белой Кринице, то в Мануиловке, то в России. Настоятель Мануиловского скита Исая, показавший себя отличным хозяйственником, сам поехал в качестве сборщика пожертвований в Россию, а потом вместе с собранными деньгами обосновался в другом монастыре (РО РГБ 3: 17–18; РО РГБ 10: 68–68 об.).

Бывало, что в монастырях оказывались и случайные люди, попавшие туда по желанию родителей или в надежде найти покой от житейских проблем. Были и люди просто с плохим характером, присутствие которых в монастыре очень отягчало жизнь всем остальным, старавшимся терпеть такого брата или сестру с христианским смирением. Митрополит Афанасий (Макуров) в 1879 г. сообщал члену духовного совета Московской архиепископии А.В. Швецову (будущему епископу Уральскому Арсению) о некоем иноке Белокриницкого монастыря Фалиеи, видимо, общем знакомом, который не хотел жить в монастыре под началом, и вместо этого, как писал митрополит, «бродит по улицам; он ни охотник на хорошею одежду, сколько ему выдавали из монастыря, то в него или отнимают, или пропивает» (РО РГБ 8: 131). Выгнать из обители нарушителя порядка никто не решался, поскольку если изгнанный потом нарушит данные им при постриге обеты, то грех падет на изгнавшего его; поэтому такого брата долго увещевали и переселяли из обители в обитель, но иногда ставили в такие условия, что он уходил сам.

Пристрастие к горячительным напиткам было наиболее распространенным пороком среди обитателей мужских скитов и монастырей. Аркадий (Шапошников) боролся с ним еще будучи настоятелем Лаврентьева монастыря в России, и став епископом Славским, продолжал искоренять этот порок. Инок Славского скита, признавая за собой грех чрезмерного употребления хмельных напитков, «чево, – по его словам, – Аркадий терпеть не может», во избежание неприятностей не прекратил пить, а просто перешел в другой монастырь, где не было таких жестких требований (РО РГБ 18: 3 об.).

Монастырское хозяйство

Главной задачей обителей является создание условий для реализации идеалов иноческой жизни и хозяйственно-экономический быт не должен быть самоцелью. Потребности монашествовавших всегда были очень скромными, хотя степень принятой каждым аскезы могла существенно варьировать. В монастырях полагалось двухразовое питание (без завтрака), в рационе, который определялся Типиконом, отсутствовало мясо и белый хлеб, причем, исключения не делались даже для больных (РО РГБ 11: 108 об.). В монастырях и скитах особенно строго соблюдались однодневные и многодневные посты, во время которых насельники отказывались и от постного масла. По монастырскому обычаю, пост держали также в понедельник.

Такой же неприятательной как пища была и одежда, сохранившая старинный покррой дониконовских времен: «Одежда монахов состоит из длинной черной рясы с воротом в форме пелерины, обшитым по краю красным или синим. Головным убором им служит бархатно-черная конусообразная шапка, на которую при входе в церковь накидывается черный *клобук*» (*Dan* 1899: 292). На старых фотографиях видно,

что у инокинь на шапочку накинут черный плат, но не завязанный под подбородком, как носили мирянки, а заколотый булавкой так, что он сохранял четырехугольную форму, ниспадая на грудь и верхнюю часть спины. К одежде схимниц и схимников добавлялся *аналав* с крестами и головной убор – *куколь*. Под одеждой принявшие постриг носили *параман* и обязательно кожаный пояс³.

Экономическое благосостояние старообрядческих обителей складывалось из статей дохода от земли или сада, трудолюбия их обитателей и пожертвований мирян. При поступлении в общежительный монастырь вклад не требовался, но приветствовался. Экономическая основа Белокриницкого мужского монастыря была заложена Илларионом Коровьи-ножки, под руководством которого группа старообрядцев в 1783 г. пришла в Буковину, и завещавшим обители свой дом, землю и фруктовый сад (*Субботин* 1874: 151, 151 прим.). Вначале этих средств худо-бедно хватало на малочисленную братию, и в 1830-е годы, как писал Полек, монастырь был расширен и состоял «из церкви и пяти деревянных домов, один из которых предназначался для настоятеля монастыря, а остальные для монахов, число которых в то время колебалось от 15 до 20» (*Polek* 1899: 17). В 1840 г. одинокая жительница села оставила братии «крестьянский дом со всеми принадлежностями, скот, фруктовый сад <...> а также рыбоводный пруд» (*Polek* 1899: 17), и тем не менее в конце 1830 – начале 1840-х годов братия была вынуждена каждую субботу собирать по селу милостыню, чтобы прокормиться в течение следующей недели (*Субботин* 1874: 151, 151 прим.).

Мануиловские монахи и монахини своей земли не имели и за пользование маленькими огородными участками платили в поместную экономию по три карбованца⁴ с души (*Надеждин* 1860: 116). Известному ученому и автору труда «О заграничных раскольниках» Н.И. Надеждину, посетившему Мануиловку в 1846 г., бросилась в глаза бедность мануиловских скитов, которые он описал «как собрания маленьких, темных, грязных конур, почти землянок, где гнездятся по несколько жильцов или жилищ» (там же: 115–116).

Славский Успенский мужской скит платил государству за арендованную землю 200 руб. в год, и это были немалые деньги (РО РГБ 14: 7). Епископ Тульчинский Алимпий (Вепринцев), бывший до поставления в епископы иноком Славского монастыря, свидетельствовал в 1854 г., что «монахи и бельцы в работу ходят во время сенокосу и жниво и зарабатывают себе на пропитание», также они копали землю и сеяли жито, картофель и другие овощи, кроме этого, местное население подавало в монастырь милостыню и платило монахам за поминание (РГИА: 53; РО РГБ 14: 7). Позже, видимо, в конце века безземельные монастыри получили надель.

Несмотря на то, что Тисский монастырь лучше, чем все остальные, был обеспечен землей – сначала она была в длительной аренде, а потом игумен Ефросин купил 16,56 га пашни, сенокоса и леса, – и насельники его занимались хозяйством, расходы на постоянно ведущееся в монастыре строительство не покрывались внутренними средствами. Братии приходилось ждать пожертвований со стороны.

Тяжелая работа по обеспечению себя хлебом насущным отвлекала от молитвы, однако это тоже была часть иноческой жизни. Хотя насельницы обителей были постоянно в трудах и, как писал Полек о белокриницких инокинях, работали так, "будто они дома, а не в монастыре", выполняли домашние и полевые работы, зарабатывали рукоделием (*Polek* 1899: 45), средств не хватало, поскольку в каждой обители было много нетрудоспособных. Общежительные монастыри не могли полностью обеспечить

даже минимальные потребности братьев и сестер, которым приходилось прирабатывать и на себя вопреки уставу. Настоятели монастырей периодически напоминали, что работа на себя, утаивание части дохода, это святотатство, но сделать ничего не могли (РО РГБ 16: 28). Инокиня Белокриницкого женского монастыря Елевферия в письме к архиеп. Антонию (Шутову) в 1878 г. сетовала, что у них в обители «только одно брюхо уместное», т.е. совместная трапеза, а в остальном «всяк по себе живет, сам себя управляет», потому что «нет достатков больших очинь бедность в монастыре» (РО РГБ 1: 104). Елевферия сообщала о своих занятиях, позволявших ей хоть как-то свести концы с концами: «<...> только разве что сошью и мне дадут копейк пятьдесят или рубль, только имею на обхождение, или кто почитать что даст, или чем другим заслужу, кто рублик даст или сколько копейк». Она просила у Антония разрешения на год приехать в Москву и сразу оговаривала, что просится не побираться, а заработать немного денег: «где бы неугасимую или службу поправить», потому что ей «пришло на ум»: как она будет умирать, ведь «мне поменуца нечим, ни похороница», ее заботило, что люди скажут о ней после смерти (РО РГБ 1: 103 об.).

Игумены и игуменьи обычно тоже работали, подавая пример братии. Старца Иолия – игумена Мануиловского Никольского скита Надеждин застал за слесарной работой (*Надеждин* 1860: 116). И архиереи, которым было положено жить в монастырях, занимались физическим трудом. Епископ Славский Аркадий (Шапошников), несмотря на свой сан, вел соответствующий монаху образ жизни даже в старости. Его келейник писал о нем: «<...> перед смертию за месяц безмерно и выше силы и не по его летах и здоровьи работал вместе со мною. В лесу рыл камни недели три, а пищу употреблял сурою и весьма мало <...>» (РО РГБ 2: 19). Митрополит Кирилл тоже иногда занимался сельским трудом, но в хозяйстве своего сына, проживавшего в Белой Кринице (РО РГБ 19: 21 об.).

Австрийские, молдавские и турецкие старообрядцы старались оказать материальную помощь своим обителям, главным образом продуктами; те, кто побогаче, давали деньгами, но это были не настолько большие, да еще нерегулярные вливания, которые никак не могли покрыть необходимые траты. Славские иноки сетовали, что «от наших сельских, – как они писали в 1869 г., – помощи нам нет никакой» (РО РГБ 2: 60 об.); об этом же сообщали в 1880 г. в Москву иноки Предтеченского Тисского монастыря (РО РГБ 13: 147 об.).

Важным, если не сказать основным, источником дохода монастырей, позволившим им в 1850–1870-е годы развернуть строительство церквей, были пожертвования «христороубцев» из России. Появление в Белой Кринице в 1846 г. перешедшего в старообрядчество бывшего митрополита Боснийского Амвросия и поставленного им наместника – архиепископа Майноского Кирилла (Тимофеева) вызвало небывалый религиозный подъем среди российских старообрядцев. В Белую Криницу начали ездить делегаты с Рогожского кладбища⁵, потянулись туда под видом купцов все те, кто стремился своими глазами увидеть архиерейскую службу. Это было событие, всколыхнувшее все признавшее Амвросия старообрядческое сообщество. Пожертвования потекли в Белокриницкий монастырь рекой, но первое время все они шли на обустройство митрополии, и в 1847 г. иноки монастыря жаловались на бедность: «Настала зима, нет ни обуви, ни одежды, ни дров, хлеб дороговизен и во всем скудость» (ГАРФ: 3).

В основном пожертвования или, как говорили старообрядцы, *милостыня*, поступали за поминание в монастырях живых, а больше – мертвых. Старообрядцы из

России посылали разными путями записки и прикладывали деньги. Поминаемых записывали в монастырский синодик и поминали за литургиями, что особенно ценилось жертвователями. Некоторые хотели получить письменное благословение от митрополита и его наместника. Инок монастыря сообщал одному такому просителю: «Когда благоволите сообщить особья щедроты, тогда получите и от них собственные их руки достоначертанное благословение» (ГАРФ: 3 об.).

Крупные пожертвования на содержание и обустройство всех старообрядческих обителей поступали от московского и петербургского старообрядческого купечества. Деньги шли из России через нескольких доверенных лиц из липован. Например, в июле 1873 г. купец из Ясс В.В. Фомин получил «жертву» в 500 руб. за упокой, и инструкцию, как ее распределить: в Белокриницкий мужской монастырь 100 руб., в женский – 50 руб., в Славский мужской монастырь – 75 руб., а в женский – 50 руб., в Петропавловскую обитель на Песчаном острове – 25 руб. и остальные раздать (РО РГБ 4: 107). Или М.Ф. Морозова на годовой помин по своему мужу Т.С. Морозову прислала в 1890 г. митр. Афанасию тысячу рублей и написала, чтобы он оставил себе 400 руб., передал о. Пафнутию Овчинникову и Белокриницкому женскому монастырю по 100 руб., а остальные 400 руб. распределил по своему усмотрению между епископами и монастырями (РО РГБ 15: 57). Женским монастырям обычно давали меньшие суммы, видимо, почитая нужды инокинь менее значимыми.

Читая обширную переписку иноков и инокинь с Рогожским кладбищем, их постоянные униженные жалобы на бедность, слезные прошения о помощи и благодарности за нее, трудно избавиться от мысли, что братья и сестры все-таки несколько стужали краски, чтобы разжалобить «христолюбцев». Иногда монастырские жители шли на маленькие хитрости, чтобы «удостоверить» перед москвичами свою бедность. По наущению митрополита Белокриницкого Афанасия, как в 1877 г. признавалась настоятельница Белокриницкого женского монастыря мать Иринарха в письме к Антонию (Шутову) в Москву, сестры должны были сажать приезжавших из России от Антония с собою за трапезу, чтобы те с ними отобедали и тогда поверили бы, что они бедные. Простодушная мать Иринарха спрашивала совета у Антония: «Они (посетители. – С.И.) себя показывают благородными и не могут такую пищу принимать без привычки, что же делать. Мы московских всех уважаем посетителей, видим их нежность лица» (РО РГБ 10: 227 об.).

Духовно-религиозная жизнь

До создания белокриницкой иерархии в мануиловских скитах были старообрядцы, принадлежавшие к разным толкам, но, как сообщал бывший старообрядческий инок Паисий, перешедший в 1839 г. в православие и известный как схимонах Парфений, «ко священству расположенных больше» (*Парфений* 1855: 24).

И хотя Парфений, уже будучи православным, отзывался о своих бывших собратьях как о «закоснелых раскольниках», постоянно вступавших в богословские споры, называл мануиловские скиты болотом, многих скитников он все же характеризовал как великих постников и ревнителей веры.

Надеждин, посетив мануиловские скиты, увидел только бедность и неразвитость и сделал вывод, что у их жителей нет возможности развиваться умственно и нравственно (*Надеждин* 1860: 116). Постороннему, а особенно заезжему человеку, трудно понять и оценить жизнь одного из самых закрытых сообществ. Парфений,

изнутри знавший скитскую жизнь, видел ее по-другому. В скиту «Дальний», отстоявшем на три версты от Мануиловки, жил с четырьмя учениками старец Феодосий, хорошо известный между раскольниками Молдавии и даже России своей праведной жизнью. «Все они проходили иноческую жизнь высокую: деятельно старались о очищении внутренняго человека, и держали тайно умозрительную книгу “Добротолюбие”, – писал Парфений, – чего я во всем моем странствии между раскольников не видал, и даже и не слышал, чтобы кто занимался умозрительными книгами, а более упражняются в толках» (*Парфений* 1855: 220). Обитатели «Дальнего» не участвовали в соборах, не вступали в бесконечные споры, разгоравшиеся между представителями разных согласий и толков. С бородой ниже пояса и длинными волосами старец Феодосий сидел в темной келье и «внимал своему сердцу умной молитвой». Помимо занятий умозрительными книгами, эти скитники после вечерни в течение часа читали духовные книги, которые приносили из Мануиловки от одного любителя книг (*Надеждин* 1860: 115).

Религиозные споры, нестяжание, граничащее с крайней бедностью, постничество и любовь к чтению душеспасительных книг свидетельствуют о том, что скитники жили весьма напряженной духовной жизнью, а некоторые даже «иноческую жизнью высокой»; они вели именно тот образ жизни, который соответствовал монашескому. В глазах самих старообрядцев скитники и монахи были носителями благочестия и духовности, хранителями богословских знаний, но, впрочем, не будем преувеличивать: не во всех скитах и не все жили именно так.

После установления трехчинной иерархии в 1846 г. в монастырях началось строительство церквей вместо моленных или замена ветхих храмов новыми. Везде стал совершаться полный богослужебный круг: вечерня, повечерие, полуночица, утреня, часы, обедня. В монастырях, особенно женских, читали «годовые неугасимые»⁶, т.е. 4-6 человек, или даже больше, по очереди, не останавливаясь, сутки за сутками в течение года читали псалтырь, поминая тех, за кого им передали милостыню.

Среди насельников скитов и монастырей, в том числе женских, было много людей, умевших читать и писать на церковно-славянском языке. Иноки, а чаще инокини бесплатно или «за небольшое добровольное вознаграждение» иногда брались за обучение сельских детей языку и крюковому пению (*Polek* 1899: 45).

Безусловно, глубина богословских познаний иноков была разной, и таких, кто мог бы сравниться с начетчиками Рогожского кладбища, было очень и очень мало, и эта категория монашествовавших, как правило, была сильно обременена летами. Вопрос о поиске образованных в богословии иноков каждый раз остро вставал, когда надо было выбирать из черного монашества нового иерарха. Архиепископ Московский Антоний, который в молодости жил в старообрядческих заграничных монастырях, получая из Румынии сообщения о серьезных раздорах между поповцами и беспоповцами, между белокрыницким и беглопоповским согласиями, хотел поднять богословский уровень зарубежной монастырской братии, чтобы они могли смелее, а главное убедительнее выступать в защиту белокрыницкого согласия. В переписке с иноком Белокрыницкого монастыря Николой (Чернышевым) архиеп. Антоний неоднократно повторял, что способных иноков надо заставлять читать книги, готовить их к миссионерской деятельности (РО РГБ 11: 108).

Во всех монастырях были собрания книг, среди которых встречались и очень редкие. Славский скит собирал книги старой печати и напечатанные для единоверцев

в России, но кроме церковных, которые приобретались в Тульче в книжной лавке Саввы Рукавишникова, в монастырь попадали «из разных рук и другия книги на русском языке разного содержания. Читается по временам, – как признавался в 1854 г. архиепископ Славский Аркадий (Дорофеев), – “Русский вестник”, получаемый в Тульче от Ивана Никитина Немоляка»⁷, а зарубежные новости поступали от проживавшего в Тульче поляка-эмигранта Жуковского, который получал иностранные газеты (РГИА: 109).

Летом 1873 г. архиеп. Антоний и Московский духовный совет попросили архиепископа Славского Иринарха составить для них опись имевшихся в Славской архиепископии книг. В описи не оказалось печатного часовника с азбукой московского патриарха Иоасафа, который им когда-то посылали. Книга эта «так редкостна, что оной здесь даже и в знаменитых библиотеках не обретается, и мы за оную заплатили 120 руб. и только для памятника и была послана она в вашу библиотеку», – с упреком за недогляд писали Иринарху из Москвы. Всего же в Славской архиепископии (в скиту) было 422 книги и тетради с выписками из книг, в том числе 100 гражданских (РО РГБ 6: 275 об.). В Успенской церкви в Тульче, которая принадлежала Славскому скиту, числилось 392 названия, но количество экземпляров было значительно больше (РО РГБ 7: 136–140).

В Мануиловском скиту тоже хранились книги и рукописи. Очень большое собрание книг и тетрадей было в Предтеченском монастыре в Тисе. Появившийся там инок Иоанн начал отыскивать ересь в монастырской библиотеке. Этот «зловредный Иоанн», как называл его ясский житель В.В. Фомин, часто бывавший в монастыре, уничтожил более 80 книг и тетрадей, «между которыми были очень важные книги острожской, киевской и московской печати. Он имеет ревность, но не по разуму, толку в книгах ничего не знает, а только смотрит на нее, что она другим манером печатана и переносы (сделанные в словах переносы. – С.И.), то уже почитает оною вовсе за противную <...> сей инок давил, затоптал в трясовину, в грязь более 40 книг, <...> а прочие книги в землю закопал и иныя в безводный колодезь побросал, а прочие в лесу покидал, словом сказать, наругался как нету хуже <...>» (РО РГБ 12: 164 об.). Большая библиотека редких книг была и в Белокриницком Покровском монастыре.

Но не все старообрядческие иерархи, как архиеп. Антоний, понимали необходимость для иноков хотя бы элементарного богословского образования и развития. В конце 1870-х годов, опираясь на поддержку Антония, инок Никола Чернышев попытался наладить в Белокриницком монастыре выпуск старообрядческих книг и «церковно-научно-общественной» газеты «Старообрядец», которые печатал в типографии в Коломые (Галиция). Однако митрополит Белокриницкий Афанасий отнесся к его начинанию недоброжелательно. Некоторое время из уважения к Антонию он терпел издательскую деятельность Николы, но потом потребовал прекратить ее. Отказ инока был, естественно, воспринят митрополитом как ослушание. Братия тоже взъелась на издателя и его помощника инока Феодорита. Их начали притеснять со всех сторон, перестали выдавать что-либо из одежды и даже керосин, которого нагорало, как сетовал в письме Никола, в сутки на одну копейку серебром. Митрополит в лицо говорил ему: «От тебе нет никакой пользы монастырю, и Феодорит такой же. Только дурно хлеб едите монастырский» (РО РГБ 11: 108–108 об.). Никола покинул монастырь и переселился в Коломые. Там он продолжил книгопечатание и издание газеты «Старообрядец», а потом и газеты «Древняя Русь», хотя по формату и периодичности издания это

были скорее журналы. Свое неприятие издательской деятельности Николы Афанасий объяснял тем, что тот «не имеет время попещися о своем спасении, иноческое житие осталось, конечно, в презрении <...>» (РО РГБ 11: 149 об.– 150).

В 1870-е годы в Мануиловском монастыре появилась своя старообрядческая типография, в которой успешно печатали служебные и духовные книги и снабжали ими старообрядцев Румынии. В годы Второй мировой войны она сгорела во время бомбежки.

Кроме мудрых старцев, редких книг и икон, гордостью любой обители были сохраняемые в ней святые мощи. В заграничных старообрядческих монастырях эта святыня появилась только в 1880 г., когда из России в Белую Криницу были привезены мощи Гаведдая и Каздои – детей персидского царя, найденные на Кавказе. Встреча мощей происходила очень торжественно: с перезвоном колоколов в четырех церквях двух селений (Белой Кринице и Климуцах), с иконами и хоругвями. Однако у белокрыницких старообрядцев не оказалось документов от археологического общества, удостоверявших подлинность мощей. Вполне резонно возникли вопросы, каким образом мощи детей персидского царя, принявших христианство и казненных за это в IV в., оказались в склепе на Кавказе, и как вообще можно доказать их принадлежность Гаведдаю и Каздое. Недоброжелатели попытались поднять шум в прессе, но страсти быстро улеглись, не поколебав уверенности старообрядцев в святости найденных мощей.

Почти все старообрядческие монастыри на территории Добруджи, Буковины и Молдавии, кроме Предтеченского в Тисе, возникли в XVIII в., т.е. одновременно с появлением старообрядцев в тех местах. Расцвет их связан с восстановлением трехчинной иерархии, благодаря чему начался приток насельников и пожертвований, и это позволило развернуть в обителях строительство церквей, поставить своих иеромонахов и установить регулярное полное богослужение, тем самым повысив религиозный престиж монастырей. Можно говорить о том, что старообрядческие монастыри Румынии во второй половине XIX века превратились в важные религиозные центры старообрядческого мира.

Старообрядческие монастыри в XX – начале XXI века

Экскурс в монастырскую историю XX в.

Бурные события в России в первой половине XX века: войны, революции, установление сталинского режима вначале сильно затруднили, а потом и вовсе прервали контакты российских и зарубежных старообрядцев. Однако до Второй мировой войны отдельные случаи появления в румынских старообрядческих монастырях россиян все-таки были. Люди старшего поколения еще помнят их имена: «У нас много было келий, и монашек много было. Матушка Алла пришла с России и матушка Поликсеня. Митрополит Силуян (1939–1941. – С.И.) привез в те времена. Матушка Анфиса. Ученые были, строгие» (ПМА 3). Каким образом матушки приехали в Румынию, осталось неизвестным. Многие, особенно в Мануиловке, помнят выдающегося писателя и апологета старообрядчества Ф.Е. Мельникова, нелегально в 1930-е годы перешедшего румынскую границу и в конце своей жизни ставшего насельником Никольского монастыря.

После Второй мировой войны Румыния встала на социалистический путь развития, но до конца 1950-х годов жизнь монастырей плавно катилась по старым рельсам. Даже когда у них экспроприировали землю, они сумели приспособиться и занимались огородами, которые им оставили. У женского скита Пустыньки в Мануиловке землю не забирали, поскольку ее было мало. Монахи Никольского скита «ездили в побор, больше по осени. Собирали кукурузу, пшаницу, ездили в Формоз, в Братешты, в Леспицы, где есть липованы. И тут по селе (Мануиловке. – С.И.) ездили. Им давали зерно, а у них был млын (мельница. – С.И.). У них был став (пруд. – С.И.) да пускали воду по корыту. В став набиралась вода из маленькой речки. Воды соберется и в субботу мололи. Из женского монастыря по селу не собирали. Мужской монастырь имел коней, повозку. У них корова была и было, где пасть. Женщинам приносили и подавали, особенно на родительскую. Они имели кур немного и были яйца. Было, чем кормить» (ПМА 1). Монастырские на Рождество ходили по селу и славили Христа, получая за это продукты и деньги.

Однако правительство сочло, что старообрядческих мужских монастырей в Румынии слишком много, и в конце 1950-х – начале 1960-х годов были закрыты два мужских монастыря: уже фактически опустевший Предтеченский в Тисе и Никольский в Мануиловке. Дорогая утварь и книги Тисского монастыря еще в конце XIX века были перевезены в старообрядческую церковь в Яссах, а в 1950-е годы после его окончательного закрытия колокола, иконостас, престол и храмовую икону Иоанна Предтечи передали в церковь Мануиловки. На месте богатого Предтеченского монастыря в настоящее время возвышается несколько камней от фундамента и восьмиконечный крест, поставленный старообрядцами (Иванов 1995: 13).

Липоване Мануиловки уже не могут точно вспомнить, что же случилось у них прежде: пожар в Никольском монастыре, уничтоживший церковь и часть строений, после чего скит закрыли, или скит был закрыт, а потом случился пожар. Это произошло в 1960-м или 1961-м году, но еще в августе 1959 г. Ф.Е. Мельников писал своему знакомому священнику в Одессу, что до них доходят «зловещие слухи, что в будущем году в монастыре будет колхоз и правление со всем своим штатом и сельскохозяйственными орудиями и всем прочим обиходом. А теперешние жители уходи, куда хочешь. У всякого есть в Румынии родня, свой родной угол. А мне куда деваться? Хотя у меня готов и гроб, и крест на могилу, но смерти не прикажешь, когда нужно прийти ей» (АМ РПСЦ: 1). Так и получилось: большинство иноков вернулись к своим родственникам, кто-то ушел в Успенский монастырь. Житель Мануиловки вспоминал: «Перед закрытием монастыря – там в основном были монахи из села – пытали каждого монаха, куда он пойдет в случае закрытия монастыря: “Я пойду к шурину”; “Я пойду к дочке”. И разорили монастырь. Если бы сказали, что не мают, куды идтить, может и не разогнали бы. Женский монастырь не закрывали» (ПМА 1.). Ф.Е. Мельников до этого события не дожил.

Белая Криница вместе с расположенными там мужским Покровским и женским Успенским монастырями летом 1940 г. была передана Украинской ССР, а митрополия перенесена в Брэилу. Белокриницкие монастыри были разорены, а хранившиеся там книги и ценная утварь бесследно исчезли.

Женский Введенский и мужской Успенский монастыри около Русской Славы более-менее спокойно существовали и при Народной Республике. Государство препятствовало поступлению в них молодежи, но обители не пустовали, и поселение за

оградой женского Введенского монастыря было по-прежнему заполнено скитянками старшего поколения, воспитанными в старых религиозных традициях. В монастырях летом обучали детей чтению на церковно-славянском языке и пению по крюкам.

В настоящее время на территории Румынии продолжают существовать старинные старообрядческие монастыри: Успенский мужской и Введенский женский около Русской Славы, Никольский мужской и Тихвинский женский (Пустынька) около Мануиловки, а в 2006 г. недалеко от города Пятра-Нямц в горах появился новый мужской монастырь во имя прп. Паисия. В 2010-е годы была сделана попытка Тульчинского епархиального начальства создать монастырь в с. Сфистовка (Добруджа), но из этого пока ничего не получилось.

Рис. 2. Монастырь прп. Паисия. Фото С.А. Иниковой, 2017 г.

Братия

Хотя «при коммунистах» в Румынии не проводилась такая же жесткая антирелигиозная политика, как это было в СССР, и ограничения в отправлении религиозных культов касались только членов партии, преподавателей высших учебных заведений и школьных учителей, после падения режима Чаушеску в декабре 1989 г. ощущение религиозной свободы и желание идентифицировать себя с русскими старообрядцами охватило все липованское общество, даже его невоцерковленную часть.

На волне повышенного интереса к религии монастырская братия пополнилась молодыми послушниками и послушницами, но вкусив монастырской жизни, большинство вернулись в мир. Одни уходили, другие приходили, и это продолжалось в

1990-е – начале 2000-х годов. Из тех немногих, кто пришел в 1990-е годы и выдержал искуc, вышли такие видные старообрядческие иерархи белокриницкого согласия как митрополит Белокриницкий Леонтий и архиепископ Славский Флавиан, а также ставший со временем игуменом Мануиловского Никольского монастыря инок Феофилакт.

Постепенно желавших посвятить свою жизнь служению Богу становилось все меньше и меньше даже среди людей старшего возраста. Как выше уже было сказано, многие видят причину в том, что после революции 1989 г. сельчанам стали платить государственную пенсию. Она невелика, но при наличии хозяйства на жизнь хватает. Некоторые наши собеседники отмечали, что старики «не хотят иттить Богу молиться». Сыновья, дочери поехали в Италию, Испанию, Францию, и они стерегут их дома» (ПМА 4). Однако и сельские храмы наполняются теперь только по большим праздникам, так что, видимо, причина лежит значительно глубже. Сами липоване, рассказывая о своих родителях, о прошлой жизни в селах, в один голос говорят о том, что не стало настоящей истовой веры, которая всегда отличала старообрядцев, что люди стали высоко ценить комфорт, пристрастились к телевизору, молодежь – к Интернету и перестали думать о душе, о Боге. Быстрое разрушение липованских, а по сути этноконфессиональных ценностей, шло уже давно, но вступление Румынии в 2007 г. в Европейский Союз и открывшаяся возможность зарабатывать хорошие деньги в странах Европы многократно ускорили этот процесс.

В Мануиловском Никольском скиту в 2017 г. проживали четверо очень пожилых насельников, причем в постриге был только один – инок Мардарий, ставший уже достопримечательностью монастыря. В Славском Успенском монастыре в настоящее время в постриге четверо, в их числе – архиепископ Флавиан, и есть в

*Рис. 3. Послушник за работой.
Монастырь при. Паусия.
Фото С.А. Иниковой, 2017 г.*

*Рис. 4. Инокья Введенского монастыря
около кельи. Русская Слава.
Фото С.А. Иниковой, 2017 г.*

монастыре еще один послушник. В мужском монастыре во имя прп. Паисия в 2017 г. было 8 насельников (иноков и послушников) разного возраста.

Женские обители, как это было и раньше, более людные, чем мужские. В Введенском женском монастыре в Славе в 2017 г. в постриге были девять инокинь и три белицы. В Пустыньке в Мануиловке проживали шесть инокинь и четыре белицы. Возраст насельниц – пожилой и очень пожилой, но в Введенской обители есть несколько инокинь до 50 лет, пришедших туда в 1990-е годы.

Последнее время постриг во всех монастырях бывает крайне редко. Имя постригаемому дается по первой букве его прежнего имени, данного при крещении, хотя он может попросить, чтобы ему дали имя того святого, которого он хотел бы иметь своим покровителем. Игуменья Введенского женского монастыря попросила владыку дать ей имя Таисия, хотя в миру ее звали Екатерина. Свое желание она объяснила тем, что ей давно нравилось имя Таисия: «Я читала вашего... сказку “Так закалялась сталь” (роман Н. Островского «Как закалялась сталь». – С.И.), и Таисия мне понравилось. И с тех пор я так любила. И Таисия – день наперед (в старообрядческом календаре. – С.И.), как мене постригать, и я спросила владыку: “Можу я взять вчерашнее имя?” Он сказал: “Ну, нехай”» (ПМА 5). Ни в одном монастыре нет постриженных в великую схиму.

Рис. 5. Наставница Тихвинского монастыря (Пустыньки). Мануиловка. Фото С.А. Иниковой, 2017 г.

Проблема заключается не только в малочисленности насельников, но и в руководстве обителями. Мануиловский Никольский монастырь с 2006 г. существует без главы, и братия живет по своему усмотрению, хотя на службы ходит исправно. В Пустыньке уже очень давно упразднили должность игуменьи, вместо нее – наставница.

В Славском Введенском женском монастыре по решению митрополии место игуменьи заняла недавняя послушница, принявшая постриг за месяц до поставления. В результате создалась конфликтная ситуация, крайне негативно влияющая на монастырскую жизнь.

Поселение, состоящее из келий за оградой Введенского монастыря, еще существует, хотя большинство жилищ опустели и стали непригодны для жизни. Это поселение называют *заобитель*, иногда говорят *за двором*, а келейниц, живущих за оградой, именуют *задворными*. Несколько белиц и инокинь продолжают жить за двором, хотя внутри монастыря есть свободные помещения,

более приспособленные для жизни, но они отказываются перейти туда, предпочитая жить совершенно самостоятельно и независимо.

В Успенском монастыре, который является резиденцией Славского архиепископа, функции игумена выполняет владыка Флавиан, который очень часто бывает в разъездах по разным делам.

Настоятели и насельники утверждают, что их монастыри живут по уставу Павла Великодворского, т.е. все они на бумаге общежительные, однако на самом деле таковым можно считать только монастырь прп. Паисия. Все остальные

ныне живут неизвестно по какому уставу и чьим правилам. Говорить об управлении обителями или о распределении среди их насельников послушаний невозможно в виду малолюдности или слабой внутренней дисциплины. Исключением является монастырь прп. Паисия, где царит очень жесткая дисциплина и порядок, основанные на высоком авторитете о. Феофилакта.

После бесед с насельниками остается впечатление, что все они люди, безусловно, верующие, но некоторые не перестали с большим интересом всматриваться из-за монастырской ограды в покинутый ими мир. Один из священников сказал по этому поводу: «Идешь в монастырь на спасение. Не все люди для монастыря. Книга пишет, что можно спастись в миру, думая за монастырь, и это лучше, чем спастись в монастыре, думая за мир» (ПМА 4).

Материальный быт

После революции 1989 г. монастырям вернули полевую землю. В 1990-е и начале 2000-х годов, когда в обителях было больше народа, эту землю начали было использовать. Матушки Введенского монастыря занимались выращиванием овощей для своего стола, завели корову, нанимали рабочих для обработки части поля, засевавшегося кукурузой. Настоятельница монастыря предоставила для общих нужд свой виноградник. Государство давало зарплату игуменье, священнику и сторожу. Оно же оплачивало и четырех наемных рабочих, но зарплата была минимальная, поэтому монастырь им доплачивал. Инокини и белицы отдавали часть пенсии в общий котел, а остальное шло им на лекарства и мелкие расходы. Сейчас никакого хозяйства у них нет и землю монастырь полностью отдает в аренду фермеру.

Хотя в начале 2000-х годов насельницы Введенского монастыря имели общую трапезу, но, по словам священника, служившего в монастыре, все вместе в трапезной собирались редко, а брали приготовленные «харчи» и уходили в свои кельи.

Рис. 6. Игуменья Введенского монастыря показывает иконы в Казанской церкви. Русская Слава. Фото С.А. Иниковой, 2017 г.

*Рис. 7. Инок Никольского монастыря за уборкой сена. Мануиловка.
Фото С.А. Иниковой, 2017 г.*

*Рис. 8. Изготовление свечей.
Монастырь при. Паисия.
Фото С.А. Иниковой, 2017 г.*

В те годы, по сравнению со стариной, появились некоторые послабления в подборе продуктов: если раньше молоко и яйца сестры ели только в субботу и воскресенье, то в 2000-е годы молоко и яйца позволялось употреблять и во *всеядные* (скромные) дни на неделе, т.е. четверг и вторник, как добавление к рыбе и растительному маслу.

В настоящее время игуменья Таисия сама готовит трапезу из расчета на двух-трех человек, остальные не заходят в трапезную. Вопрос о соблюдении монастырских правил питания остается на совести каждой. Общая трапеза бывает только тогда, когда люди делают в монастыре поминальный обед или общее застолье на храмовый праздник.

В 1990-е – начале 2000-х годов насельники Успенского мужского монастыря жили общежительно и вели общее хозяйство: был огород, скот, правда, за ним ухаживал наемный рабочий. Питались в общей трапезной. И сейчас монастырь имеет огород, а один из насельников занимается пчелами, которые пока значимого дохода не дают. Землю сдают в аренду фермерам. Трапезная сгорела, да и слишком мало людей в монастыре, чтобы готовить общий стол. Каждый питается самостоятельно.

Жительницы Пустыньки имеют небольшие огороды, на которых некоторые выращивают для себя овощи. Еще недавно в общей теплице на всех готовили рассаду, но сейчас по состоянию здоровья многие уже не могут заниматься огородом. Иногда им помогают родственники, живущие в Мануиловке. Общей трапезы в обозримом прошлом у них не было, и тем более ее нет сейчас.

В 2000 г. ставший игуменом Никольского монастыря молодой и энергичный о. Феофилакт попытался наладить общее хозяйство. В искусственном пруду монахи начали было разводить рыбу,

но поле сдавали в аренду фермеру, так как его нечем было обрабатывать. Однако попытки Феофилакта наладить монастырскую жизнь не увенчались успехом, и в 2006 г. игумен с несколькими братьями покинул монастырь и уединился в горах около г. Пятро-Нямц, основав новый монастырь.

В настоящее время в Никольском монастыре только инок Мардарий продолжает вести маленькое хозяйство: обрабатывает свой огород, завел в 2017 г. козу и засеял участок земли люцерной.

*Рис. 9. Никольская церковь в Никольском монастыре. Мануиловка.
Фото С.А. Иниковой, 2017 г.*

Отец Феофилакт все свои силы направил на то, чтобы воплотить идеал иноческой жизни в своем Паисьевском монастыре, расположенном в труднодоступном месте. Земли у них мало, да и горный климат и местность не позволяют заниматься полевыми культурами. Насельники монастыря имеют огород с теплицей, с которого кормятся; есть у них пчелы, но после зимы 2016–2017 г. осталось всего три улья; есть небольшой став для рыбы, которая из-за природных условий крупной не вырастает. По общему согласию насельники отказались от молочных продуктов и яиц, изредка и на праздники едят рыбу из своего пруда или ту, которую им привозят в качестве милостыни; сами пекут хлеб. Их рацион включает в основном овощи и фасоль. Большинство насельников не имеют пенсии, поэтому рассчитывают только на свой огород и милостыню. Не заработавшие пенсию люди есть во всех монастырях, и при отсутствии общего хозяйства и трапезы они полностью зависят от пожертвований липован.

Минимальные монастырские доходы складываются из нескольких статей: продажи во время служб, особенно праздничных и поминальных, свечей, которые насельники сами же и сучат из покупного воска; денег за аренду монастырской земли, полученных от фермеров-арендаторов; денег за панихиды, которые миряне заказыв-

вают в монастырях. Этот доход идет на оплату электричества, починку строений, необходимые общие траты. Митрополия ничем не помогает, но и ничего не берет с монастырей. Государство никакие налоги с обителей не взимает.

В 1990-е и 2000-е годы в монастырях велось строительство. Липоване, работающие за границей, и те, у кого свой бизнес в Румынии, жертвуют на церкви и монастыри солидные суммы. Так на пожертвования одного старообрядца, давшего деньги в память о погибшем сыне, отделали и украсили внутри Никольскую церковь в мужском монастыре, отстроенную на средства жителей Мануиловки вместо сгоревшей; на деньги других жертвователей обнесли Никольский монастырь каменной оградой. На пожертвованные деньги построили каменную ограду вокруг Введенской обители. Монастырь прп. Паисия был возведен на земле, подаренной богатым старообрядцем. Он же помог в строительстве бревенчатых церкви и келий.

Рис. 10. Кельи в Никольском монастыре. Мануиловка. Фото С.А. Иниковой, 2017 г.

Новые кельи построили в Пустыньке и, по словам местной жительницы, «наши бабки как пани. Понастроили кельи, новые гладенькие. Бабушки наши мают зарплату хорошую: оны пенсионерки с городов: с Роману, Ясс. Не бедные. Две-три бедных. Есть подаяние» (ПМА 6). Во всех обителях насельники живут по одному в келье.

Бытовые условия в монастырях приблизительно одинаковые: туалет, вода на улице, печное отопление, есть электричество. В монастыре у о. Феофилакта электричества нет, а воду берут из колодца. В 2017 г. к монастырю была проведена дорога для удобства паломников, но сами иноки вниз в селения не спускаются. Насельникам старообрядческих монастырей запрещено мыться – тешить тело, поэтому там нет бань или душевых, хотя в Никольском монастыре довелось увидеть пристроенную к келье, сделанную из подручного материала душевую. Некоторые насельники имеют мобильные телефоны и даже планшеты, которые используют для выхода в Интернет во время отлучек в село.

Духовно-религиозная жизнь

Что касается религиозной жизни этих четырех старинных монастырей, то даже по сравнению с «коммунистическим» периодом здесь наблюдается значительный регресс, который является закономерным результатом процессов, происходящих в настоящее время среди старообрядцев Румынии.

В начале 2000-х годов во время игуменства Феофилакта в Никольском монастыре была налажена ежедневная служба, но с его уходом «всяк себе молится» по кельям. Единственный монах Мардарий и три пожилых (одному за 90 лет) послушника могли бы ежедневно

сами служить часы, вечерни, утрени, но никто из них не читает на церковно-славянском, а один вообще не говорит по-русски. По воскресеньям и праздникам в монастырь приходит живущий напротив обители человек, добровольно и безвозмездно взявший на себя обязанности дьяка, и правит службы.

В Введенском монастыре матушка-игуменья служит с одной белицей в пустой церкви, зато в Пустыньке в храме обычно присутствуют все насельницы. Инокнии служат ежедневно, но очень огорчаются, что к ним не приходит иеромонах из Никольского монастыря, как это было раньше при Феофилакте, и не служит обедни. Приходской священник Мануиловки о. Иван очень редко служит литургии в мужском и женском монастырях, поскольку занят в селе.

Посещение монастырских служб мирскими людьми раньше не приветствовалось, а сейчас и желающих почти нет. Пожалуй, только в Никольский монастырь по воскресеньям приходят жители Вишоары (Вишоры) – части Мануиловки, расположенной рядом с обителью, так как им далеко идти до сельской церкви.

По-прежнему монастырский помин считается самым лучшим, поэтому в монастырях заказывают платные панихиды. Если человек умер без причастия и покаяния, то родные стараются отслужить 40 обеден в церквях и монастырях. И, видимо, не случайно церковь в монастыре о. Феофилакта освящена во имя Паисия, которому

Рис. 11. Интерьер Тихвинской церкви в Тихвинском монастыре. Мануиловка. Фото С.А. Иниковой, 2017 г.

Рис. 12. Инокния Тихвинского монастыря созывает сестер на службу в церковь.. Мануиловка. Фото С.А. Иниковой, 2017 г.

принято молиться за умерших без покаяния, за великих грешников и самоубийц, которых нельзя даже поминать по имени. В монастыре бывает много желающих заказать помин и большое стечение верующих можно наблюдать на престольный праздник 19 июня.

Еще недавно – в 1990-е и начале 2000-х годов – в Пустыньке было принято читать по заказу 40 дней или год, неугасимую псалтырь: «Раньше в Пустыне бабок много было. Мали, кто молился. Идешь туда и несешь 3,5 кг анделему (растительного масла – С.И.), плотишь. Там у одной девять лампад горело» (ПМА 7). Сейчас, как говорят, читать неугасимую некому.

Религиозная жизнь монастырей оживляется только во время *храмов* (престольных праздников), когда бывает большая архиерейская служба и трапеза, а в Успенском и Никольском мужских монастырях еще и омовение мощей Гаведдая и Каздои. Обычно на праздники собирается много народа, в том числе приезжего.

Еще не так давно, в начале 2000-х годов, в Введенском монастыре в Русской Славе каждое лето собирались на два месяца и учились читать на церковно-славянском языке дети из разных мест Добруджи. Петь по крюкам учили иноки Успенского монастыря, так как в женском монастыре уже не было знатоков старинного пения. Непродолжительное время в 2000-е годы читать и петь учили детей и в Никольском монастыре в Мануиловке. Родители платили за это небольшие суммы. Монастырское обучение всегда ценилось выше, чем обучение дяками при сельских церквях. Многие из этих уже давно выросших детей, с кем довелось поговорить, с удовольствием вспоминают летние месяцы, проведенные в монастырях. В настоящее время обучение в монастырях не ведется.

В XXI в. монашеский путь спасения стал непривлекательным не только для молодого, но и для старшего поколения. Численность монашествующих в 2010-е годы значительно сократилась даже по сравнению с концом XX века. В монастырях, за исключением Паисьевого, отсутствует регулярная религиозная жизнь и строгое следование монашеским правилам, и это делает бессмысленным сам принцип ухода из мира.

Главную роль в складывании такой ситуации сыграла секуляризация религиозного сознания румынского старообрядческого сообщества, четко обозначившаяся еще в 1950–1960-е годы и усугублявшаяся по мере смены поколений. В последнее десятилетие Румыния оказалась втянута в общеевропейское экономическое и информационное пространство, и это очень сильно сказалось на уровне религиозности старообрядческой диаспоры. Все негативные процессы, которые можно наблюдать в современных монастырях, являются отражением тех глобальных явлений, которые происходят в жизни всего Европейского мира. Вместе с тем, нельзя не признать, что старообрядческие обители даже в таком состоянии все еще продолжают оставаться необходимой составной частью религиозной жизни липованской диаспоры в Румынии.

Примечания

¹ Мужской и женский монастыри в Белой Кринице недолго находились на территории Румынии – с 1918 г., когда Буковина перешла от Австрии к Румынии, и до лета 1940 г., когда северная Буковина с Белой Криницей отошла Украинской ССР, однако Белокриницкий мужской монастырь, после того как в 1846 г. он стал резиденцией митрополита, был теснейшим образом связан со старообрядческими монастырями в Молдавии и Европейской Турции.

- ² Например, настоятель Белокриницкого монастыря Геронтий, иноки Павел (Великодворский), Алимпий (Милорадов); архиеп. Славский Аркадий (Дорофеев), еп. Славский Аркадий (Шапошников), наместник митрополита еп. Онуфрий (Парусов) и пр.
- ³ Параман – четырехугольный кусок ткани или кожи, закрывающий плечи и крестообразно завязывающийся на поясе – означает крест и язвы И. Христа. Кожаный пояс – знак умерщвления плоти.
- ⁴ Обычно старообрядцы называли национальные деньги – австрийские и турецкие – карбованцами или рублями. В конце XIX в. или начале XX в. появилось новое название денег, до ныне распространенное среди липован старшего поколения – франки.
- ⁵ Рогожское старообрядческое кладбище возникло во время чумы в Москве в 1771 г. в районе Рогожской заставы. Постепенно рядом вырос поселок с часовнями и Покровским собором, а с 1853 г. там располагалась Московская архиепископия. Рогожское кладбище стало духовным центром старообрядчества, приемлющего священство, а после восстановления трехчинной иерархии в 1846 г. духовным центром старообрядцев белокриницкого согласия, признавшего митр. Амвросия и поставленную им иерархию.
- ⁶ В России слово «неугасимая» относят к постоянно горящей лампаде, а применительно к непрерывно читаемой псалтыри используют слово «неусыпаемая».
- ⁷ Иван Никитич был молоканином, поэтому «Немоляка», видимо, его прозвище, поскольку так старообрядцы называли молокан.

Источники

- ПМА 1. – Полевые материалы автора. Мануиловка, 1933 г.р.
- ПМА 2. – Полевые материалы автора. Русская Слава, 1950 г.р.
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Русская Слава, 1947 г.р.
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Мануиловка, 1952 г.р.
- ПМА 5 – Полевые материалы автора. Введенский монастырь. 1952 г.р.
- ПМА 6 – Полевые материалы автора. Мануиловка, 1949 г.р.
- ПМА 7 – Полевые материалы автора. Мануиловки, 1921 г.р.
- АМ РПСЦ – Архив Митрополии Русской православной старообрядческой церкви. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2960.
- ГАРФ – ГАРФ. Ф. 109. Эксп. 1. Оп. 22. 1847 г. Д. 389. Ч. 3.
- РГИА – РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 46.
- РО РГБ 1 – РО РГБ Ф. 246. К. 181. Д. 5.
- РО РГБ 2 – РО РГБ. Ф. 246. К. 173. Д. 2.
- РО РГБ 3 – РО РГБ. Ф. 246. К. 175. Д. 1.
- РО РГБ 4 – РО РГБ. Ф. 246. К. 176. Д. 1.
- РО РГБ 5 – РО РГБ. Ф. 246. К. 176. Д. 2.
- РО РГБ 6 – РО РГБ. Ф. 246. К. 176. Д. 4.
- РО РГБ 7 – РО РГБ. Ф. 246. К. 177. Д. 2.
- РО РГБ 8 – РО РГБ. Ф. 246. К. 180. Д. 2.
- РО РГБ 9 – РО РГБ. Ф. 246. К. 180. Д. 3.
- РО РГБ 10 – РО РГБ Ф. 246. К. 181. Д. 1.
- РО РГБ 11 – РО РГБ. Ф. 246. К. 181. Д. 4.
- РО РГБ 12 – РО РГБ. Ф. 246. К. 172. Д. 1.
- РО РГБ 13 – РО РГБ. Ф. 246. К. 183. Д. 2.
- РО РГБ 14 – РО РГБ. Ф. 246. К. 195. Д. 2.
- РО РГБ 15 – РО РГБ. Ф. 246. К. 197. Д. 4.
- РО РГБ 16 – РО РГБ. Ф. 294. К. 5. Д. 4.
- РО РГБ 17 – РО РГБ. Ф. 294. К. 5. Д. 16.
- РО РГБ 18 – РО РГБ. Ф. 294. К. 6. Д. 7.
- РО РГБ 19 – РО РГБ. Ф. 294. К. 9. Д. 1.

Литература

- Иванов* 1995 – *Иванов А.* Старообрядческий монастырь «Тисса» // *Зори*, 1995. № 11. С.13.
- Кельсиев* 1870 – *Кельсиев В.И.* Польские агенты в Цареграде // *Русский вестник*, 1870. Т. 85. № 1. С. 260–273.
- Надеждин* 1860 – *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках // Сб-к правительственных сведений о раскольниках. Сост. В. Кельсиев. Лондон, 1860. Вып. 1. С. 75–137.
- Парфений* 1855 – *Парфений* (инок). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле. М., 1855. Ч. 1.
- Субботин* 1874 – *Субботин Н.И.* История Белокриницкой иерархии. М., 1874. Т. 1.
- С-н* 1864 – *С-н Н. (Субботин)*. Поездка в Бело-Криницкий монастырь // *Русский вестник*, 1864. № 3. С. 40–78.
- [Dan]* 1899 – *[Dan]*. Lippowaner // *Die österreich-ungarische Monarchie in Wort und Bild*. Bd. 20: Bukowina. Wien, 1899. Pp. 283–295.
- Polek* 1899 – *Polek J.* Lippowaner in der Bukowina. II: Religion und Kirchenwesen. Czernowitz, 1899.

References

- PMA 1 – Polevye materialy avtora. Manuilovka, 1933 g.r.
- PMA 2 – Polevye materialy avtora. Russkaya Slava. 1950 g.r.
- PMA 3 – Polevye materialy avtora. Russkaya Slava. 1947 g.r.
- PMA 4 – Polevye materialy avtora. Manuilovka, 1952 g.r.
- PMA 5 – Polevye materialy avtora. Vvedenskij monastyr. 1952 g.r.
- PMA 6 – Polevye materialy avtora. Manuilovka, 1949 g.r.
- PMA 7 – Polevye materialy avtora. Manuilovka, 1921 g.r.
- AM RPSC – Arhiv Mitropolii Russkoj pravoslavnoj staroobryadcheskoj cerkvi. F. (fond). 5. Op. (opis) 1. D. (delo) 2960.
- GARF – GARF. F. 109. Ehksp. 1. Op. 22. 1847g. D. 389. Ch. 3.
- RGIA – RGIA. F. 1284. Op. 209. D. 46.
- RO RGB 1 – F. 246. K. 172. D. 1.
- RO RGB 2 – RO RGB. F.(fond) 246. K. (karton) 173. D. (delo) 2.
- RO RGB 3 – RO RGB. F. 246. K. 175. D. 1.
- RO RGB. 4 – RO RGB. F. 246. K. 176. D. 1.
- RO RGB 5 – RO RGB. F. 246. K. 176. D. 2.
- RO RGB 6 – RO RGB. F. 246. K. 176. D. 4.
- RO RGB 7 – RO RGB. F. 246. K. 177. D. 2.
- RO RGB 8 – RO RGB. F. 246. K. 180. D. 2.
- RO RGB 9 – RO RGB. F. 246. K. 180. D. 3.
- RO RGB 10 – RO RGB. F. 246. K. 181. D. 1.
- RO RGB 11 – RO RGB. F. 246. K. 181. D. 4.
- RO RGB 12 – RO RGB. F. 246. K. 181. D. 5.
- RO RGB 13 – RO RGB. F. 246. K. 183. D. 2.
- RO RGB 14 – RO RGB. F. 246. K. 195. D. 2.
- RO RGB 15 – RO RGB. F. 246. K. 197. D. 4.
- RO RGB 16 – RO RGB. F. 294. P. (papka) 5. D. 4.
- RO RGB 17. – RO RGB. F. 294. P. 5. D. 16.
- RO RGB 18 – RO RGB. F. 294. P. 6. D. 7.
- RO RGB 19 – RO RGB. F. 294. P. 9. D. 1.
- Ivanov A.* Staroobryadcheskij monastyr Tisa. Zori. 1995. No 11.
- Kelsiev V.I.* Polskie agenty v Caregrade. Russkij vestnik, 1870. Vol. 85. No 1.

Nadezhdin N.I. O zagranichnyh raskolnikah. Sb-k pravitelstvennyh svedenij o raskolnikah. V. Kelsiev (ed.). London, 1860. Vol. 1.

Parfenij (inok). Skazanie o stranstvii i puteshestvii po Rossii, Moldavii, Turcii i Svyatoj zemle. Moscow, 1855. Part 1.

Subbotin N.I. Istoriya belokrinickoj ierarhii. Moscow, 1874. Vol. 1.

S-n N. (Subbotin). Poezdka v belo-krinickij monastyr. Russkij vestnik. 1864. No 3.

[*Dan*]. Lippowaner. Die österreich-ungarische Monarchie in Wort und Bild. Bd. 20: Bukowina. Wien, 1899.

Polek J. Lippowaner in der Bukowina. II: Religion und Kirchenwesen. Czernowitz, 1899.

S.A. Inikova Old Believers' monasteries in Romania. XIX–XXI centuries.

The article is devoted to the old believer monasteries in Romania in the XIX – early XXI century. The types of monasteries, purposes and reasons for leaving in monasteries are considered and the characteristic of the brethren is given, the material and spiritual sides of everyday monastery life are shown, as well as the importance and role of monasteries in the old believer community, the changes that occurred in their life in the modern era in the conditions of continuing secularization of religious consciousness of the old believers of Romania.

Key words: *old believers-Lipovans, Romania, monasteries, brothers, material life, spiritual life.*